

ИЮНЬ

2 июня 1895 г.

Письмо А. Скалона к Рериху Н.К.

Московско-Курская жд. Пахомово. Железня
2-е Июня 1895 года.

Дорогой друг, хотя я сейчас и нахожусь в положении того сыра, который, (неизвестно для чего), катается в масле, а всё-таки я <один и о...>. Ужас как мне без Тебя скучно стало, наконец. Я это объясняю тем, что мы последний месяц мало виделись. А ведь моё охлаждение, как ты знаешь, было с моей стороны насильственное.

Недавно мне крайне прискорбно было узнать точнее, из-за чего вся штука вышла: из-за того, что я стал жить на отдельной квартире. Мать Твоя, которую я так любил и уважал, что родные мои просто изумлялись, когда я говорил об ней (а ты знаешь, что я мало хвалю), подумала обо мне, что я совершил какую-нибудь гнусность и потому живу отдельно. Подобное недоверие очень меня огорчает. Не она ли сама говорила Тебе, что я, по её мнению, являюсь Тебе настоящим другом? И вдруг, совершенно незаслуженно, такое подозрение. Очень, очень горько. Надеюсь, что Твой «папа», по выражению Микешина, не разделяет её взглядов. А то ведь тут просто какое-то противоречие. Ты видел, как меня принимали в Изваре – как в родном доме.

Неужели Твои родители могли принимать так человека, которому не доверяли. Конечно, раз отношения испортились, их не поправишь, но, во всяком случае, мне крайне грустно, что из-за чего-то непонятного происходит разрыв с людьми, которых я искренне любил и уважал.

Сказанное Тебя не касается. Мы оба люди взрослые, и я вполне имею право питать к Тебе те же чувства, которые между нами произвели такое сближение, и которые теперь уже поздно заглушать. ----- Оправдываться в подозрениях, о которых я говорю, я не стану. А была ли тому причина, пусть узнают у моих родителей и людей, которые меня знают давно и привыкли считать за порядочного человека.

Твой Александр Скалон

Страшно подумать, что через месяц ровнёхонько мне стукнет двадцать один год! Я, значит, делаюсь совершеннолетним. Интересно, какие изменения это внесёт в мою жизнь. Я знаю только, что уже теперь, <> и много о чём передумал, и в моём «Дон Кихоте», вероятно, будет менее донкихотства, чем было бы две недели тому назад.

АС.

Пиши почаще, и если Тебе всё равно, пиши Тиличеево; я Тебе, кажется, неверно, написал Те.

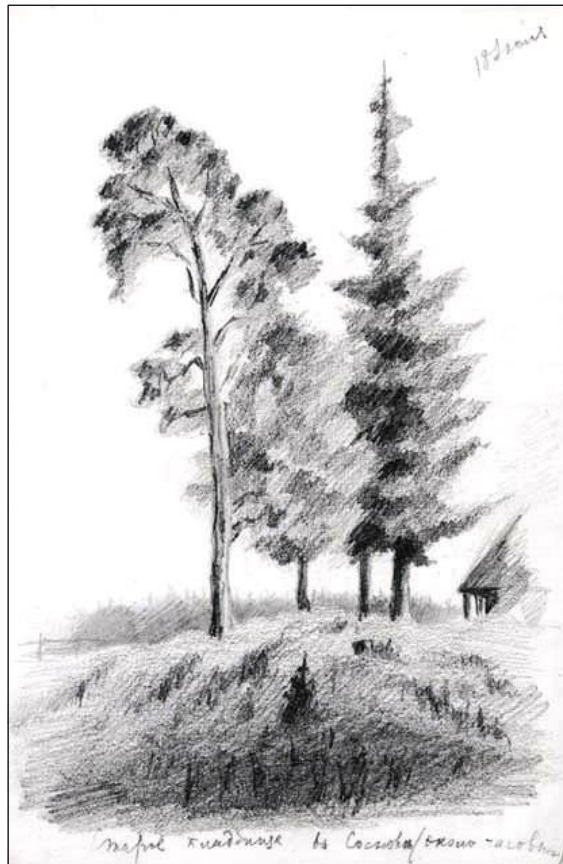
Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1301, 2 л.

1895 г. Н.К. Рерих в своей мастерской в Изваре.

**«БЫЛЬЁМ ПОРОСЛО»
Этюд Рериха**

«Не рассказ, а фабула для рассказа. Дворовый – убийца своей барыни - не исповедь. Автор не создал ни обстановку того времени, ни историчности...» (ОР ГТГ, ф. 44/39, л. 52).

Н.К. Рерих. Старое кладбище в Сосново (около часовни). 1895. 18 июня.

3 июня 1895 г.

**ИЗ БЫЛОГО
[ПОМЕЩИЦА]**

Несколько лет тому назад довелось мне быть на N-ском сельском кладбище. Пожалуй, редко найдётся человек, кто бы не любил бродить промеж обросших мхом крестов и зелёных от времени плит. Чем старше кладбище, тем с большим удовольствием вглядываешься в этих молчаливых свидетелей минувшего, даже не нашедшего места среди местных летописей. Невольно останавливаешься перед вросшим в землю грубо вытесанным из камня крестом с какими[-то] полу-истёртыми заметками; что там хотели начертать? Чью это память хотела запечатлеть близкая рука? А крест угрюмо похилился над могилой, сосредоточенно уставился в землю - бережёт, сторожит кого ему поручи-

ли. Или из-под корня высунется словно обглоданный угол плиты - ни подписи, ни метки на ней - медленно засасывает земля её в свои недра, а плита, словно утопающий, судорожно рвётся наверх - напомнить о своём присутствии.

Н-ское кладбище очень старое; по словам предания, оно ведёт своё начало со времени Петра I, после одной из битв со Шведами, поставившего тут собственноручно крест; так что с невольным трепетом ходил я по месту, приютившему столько поколений. Иногда между могильными холмиками попадают и кости.

- «Что, никак скоро переполнится ваше кладбище?» - спросил я моего путника, церковного старосту Н-ской церкви, очень, даже можно сказать, слышном, благообразного, седовласого мужика.

- «Не скоро, а уж давно оно у нас переполнилось. Теперя, почитай, при каждой новой могиле всё на кости натыкаемся. Да ведь и то сказать, это, значит, уже, куда за сотню годов те...», - и почтенный старожил углублялся в археологию этой местности.

- «Так чего же нового места не отведут?»

- «Да известно, давно бы пора хлопотать-то, да вить каждому охота с своими лежать, с отцами значит.

Не так далеко от маленькой деревянной церкви, с облупившейся краской и покосившимся крестом на кургузой убогой колоколенке, я остановился на небольшом плохо поросшим травую бугорке.

- «А ведь это тоже, пожалуй, могила?»

- «Как же-с; даже очень известная у нас могила. Ещё не так давно помер старик, что в фолейторах у этой барыни был. Здеся наша Изжаровская бывшая барыня положена-с», - пояснил староста.

- «Что же это так? Кажется, Изжарово поместье большое, а над помещицей даже и креста нет?»

- «Как не большое поместье Изжарово, наше поместье первейшее по окрестности. Да такое, вишь, с ней обстоятельство вышло».

Я большой охотник послушать отголоски нашей помещицей старины и староста, увидя моё желание узнать обстоятельство с Изжаровской помещицей, поделился со мной следующим:

- «Теперь вот её никто не помнит, а не то было десятков шесть лет назад. Все знали Софью Ивановну Райскую. Только мало кто с добра знал её - жестокая, можно сказать, была госпожа. Этак утром примерно: выходит на работы смотреть, а за ней Фомка камердин, палочек ивовых пучок тащит. Чуть где не так что - сейчас за палочку, да порцию и отпустит своею рукою, это пока палочка не сломится. Ну, другой раз уж знают, где не крепко, так уж к Фомке на поклон с гостинцем, чтобы палочка скорее сломалась. А коли доглядит Софья Ивановна, что это подстроено, значит, то и Фому Яковлевича окрестит по своему барской рукой, а ручка-то тяжёленькая, правду сказать, была. Я-то ещё совсем малышом чуточку её помню, а и мне раз вихор выдрала - к крестной во двор пришёл, ну а она и углядела, откуда мальчонок; да-а!

...В замужестве Софья Ивановна не состояли; уж не могу сказать почему; в молодости-то из себя они совсем ничего были, такие рослые, добрые. Так говорят», - продолжал староста, по старой привычке понизив голос, - «что за кого хотели по папенькиной, значит, воле идти не могли, а за другого сами не пожелали.

Вот сами-то в замужестве они не были, а других женить куда охочи были. Первое их, значит, удовольствие - в Мае крестьян своих женить, в Мае зато, что пословица говорит: кто в Мае женится, всю жизнь ему маяться. Самое это-то занятие их можно сказать и в гроб свело. Мне это не один раз старик говаривал, что у них мальчонкой ещё в фалеторах был - он любил рассказать. А не то расскажет, как его, бывало, к седлу привяжут, чтобы не свалился коли умается, да и скачи впереди и кричи, пока все духи вон, а не то кнутиком кучер.

Так вот, это, в Мае Софья Ивановна и собирает к барскому дому сперва парней и шапки у них отбирает, кто получше и повиднее - так по правую руку шапку, кто похуже, неказистее - по левую. Потом, значит, девок погонят к хоромам. Вот она отберёт опять-таки покрасивей и складнее и даёт им шапки, что по левую сторону выбирать; а кто похуже, значит, той по правую. Чья кому шапка вынется, тот той и жених. Потом соберёт их парами; ну, известно, и выходит, что с красивой самой худенькой парнюга стоит; а видный [рослый] рыжий детина такой дурнюче придётся, что смотреть жалость. А Софья Ивановна стоит и за бока держится, вот так пара, ха, ха, ха. Перед домом стон стоном стоит. Не то что девки - парни ревмя ревут. А ну, поцелуйтесь, кричит Софья Ивановна - и целуются наречённые - не смеют послушаться. И вот так, почитай, каждый год промышляла, то из одной вотчины, то из другой. Бывало, что не снести горя какой девке, али парню, и начнёт она барыню при всех пенять и корить её.

Но и на это у Софьи Ивановны уже своё положенное было. Сейчас: «Ты, голубушка, не довольна, да где ж тебе красавице за таким охломом быть, небось и поцеловаться-то твои уста сахарныя брезгуют, ну да я вас помирю - растопите-ка воску». Ну, дворня уже знала и тацит ей тазик распущенного воску. «А ну милая, подойди сюда, Фомка, Семён, держите её» - и на голову и выльет кипячёный воск. И на парней острастка была - усы и бороду смолить велит. То-то горе, то-то печаль. И что с того народу погибло; другой поглядит, поглядит как его суженую с другим с корявым к венцу ведут - да и хлоп в воду, али на дерево. И точно приятность ей, коли самой не пришлось счастья испытать, так другие жизни губит. Из того кончатально-то только общество соромилось.

Был у этой самой Софьи Ивановны барыни повар Иван Прокофьич - любимый человек, да и не мудрено - всю поварскую науку он, во как произошёл, а барыня покушать любила, ну, Иван всегда и в милости. Вечером завсегда к барыне является - и с ним по боле часу об кушанье говорят. Был Иван человек уже не молодой - пятый десяток пошёл. В бороде и седина прикинулась. Этакий, как сказать, молитвенный был человек, особливо последнее время всё о божественном думал - чуть с кухни долой - сейчас за чтение душеспасительное, а и в кухне тоже больше молитвы напевает. Как-то раз горничная любимая, что барыню всегда убирала, назвала его пустословом, кажись, а он её тварью растлевающей окрестил, и правду, от нея, от этой девки, много зла на дворе шло. Как вечером госпожу убирает, и ну, болтать, на всякого набрешет, а те потом спины приготавливай.

С той поры невзлюбила она Ивана, всё досадить ему хотелось. Только раз за обедом открывает барыня миску - а там слепень в супе плавает. Вскипела барыня - подать Ивана, да за свою палочку - Иван говорит: «виноват - не доглядел, должно быть, по дороге из кухни подбросил кто», - а она его пуще, «да все тебя обижают, святого, кому какая охота подбрасывать». Только эта девка горничная, стоит за стулом и, ну, упрашивает: «отпустите, матушка барыня,

Ивана, не тревожьте себя перед кушаньем – потом ему какое наказание положите, чтобы лучше смотрел». Барыня отпустила Ивана, и вечером с ним не стала о кушанье говорить. Только девка-то когда раздевала барыню и говорит: «что наказывать Ивана - он человек смиренный, а лучше, госпожа милостивая, жените его, он не так о церковном заботиться будет и вам лучше, послужит».

Попала, значит, в любимый предмет барский. Барыня и схватилась: «да, да, вот молодец придумала - непременно женю», - очень уж обрадовалась любимому случаю. Да кого же бы выдать за него? А девка всё нашёптывает: «чтобы уж истинно доброе дело сделать, знаете, может девку Настаську - известно, блудящая девка, да Иван Яковлевич [Прокофьич ?] человек Божественный, он её на путь наставит - душу её спасет, да ему наказание будет, за чем вашу милость беспокоил».

Уговорила, умея, барыню. На другое утро позвала барыня Ивана и говорит: «чтобы ты лучше смотрел да делал и о церкви не думал, хочу я тебя женить. А чтобы и душе твоей было спасенье, дам за тебя девку Настаську, направь её на путь».

Иван побледнел, что твой холст и - бух в ноги: «простите матушка - какое угодно наказание положьте, а от этого избавьте. Я завет положил в браке не жить». - Валяется в ногах, головой об пол стучит. Барыня осердилась: «ещё какой указчик явился, какое наказание хочу, то и положу. С глаз моих долой, что сказала, то и будет – послезавтра к венцу».

Иван встал и ушёл. Целый день барыня была не по себе - уж не простить ли его? Спрашивает она горничную. Но та сумела настоять на своём. «Что вы сударыня! Да он такую волю возьмёт тогда - подумает его слушаются» - этак уговорила Софью Ивановну.

Вечеру пришли доложить, что Иван - Христом Богом просит пустить его до барыни. Барыня допустила его. Вошёл он бледный, даже сгорбился как-то, и как взглянет на барыню - так уже на что Софья Ивановна не робкого десятка была, а и той жутко стало. Стукнул он в пол: «Пощади, говорит, госпожа милостивая, Христа ради. Не губи души моей», - и опять в ноги. Барыня молчит, слова промолвить не может, - отвечает за неё горничная девка: «что ты Иван? Нешто, думаешь, изменит госпожа своему слову - видано ли это?» И барыня поддакнула: «да, да», - только тихо и боязно сказала, чудно ей и страшно смотреть на Ивана. И сердце знать не доброе чует. Иван ещё раз стукнул лбом в пол: «в последний раз Богом заклинаю, прости». - Молчит барыня. - «Не вводи в грех».

Ни слова барыня, да и девка примолкла, - жутко всем. Ну, не хочет, как хочет – видно, на то воля Господня. Поднялся Иван с полу, подошёл к двери, да так глянул на барыню, что та чуть с кресла не скатилась и ушёл.

На послезавтра к вечеру назначили свадьбу. Иван опять на деле - тихой такой, знать, смирился. Другой день спокойно прошёл - все словно забыли об этом деле, да и напомнить всякий боится. Со второго на третий день Иван не ложился спать, - в молитве провёл всю ночь, а утром раненько ушёл из дома - и сказал прикащику: «пойду в село, платочек невесте куплю. И ушёл. Сам даже просветлел как-то. Барыне сейчас доложили, что Иван успокоился и к венцу готовится. Всё шло спокойно, поднялась с постели Софья Ивановна и пошла, как всегда, на утренний обход свой; и камердинер за ней с палочками. Зашла она в огород - расправилась, а потом на гумно отправилась.

В Изжарове, может изволите знать, гумно в отдельности стоит за рощицей этакой, небольшой. Дорога туда канавная по краям брединой заросла. Денёк выдался - красный такой. Воздух промеж рощ - смолистый такой, ядрёный - идёт Софья Ивановна - пташек слушает, палочкой помахивает - улыбается, знать, весело ей. Вдруг: «плюх!» - из кустов. Как стояла Софья Ивановна, так и рухнула на землю. Выходит из кустов Иван - и ружьишко с ним одноствольное - дым из ствола. Подошёл к барыне, перекрестил её и пошёл по дороге, из лица светлый, сам стройный, высокий идёт - и псалмы поёт.

А камердин стоит тут же идохнуть не смеет на Ивана глядеть. Иван прямо пошёл к прикащику, велел народ послать за барыней и за становым скакать - сам всё и рассказал.

Принесли Софью Ивановну домой - ожила она немного - да только на мученье. Стрелял-то Иван, вишь, рублеными гвоздями, и попал прямо в живот: всю внутренность, значит, и разворотило. Господи, прости покойницу, так до смерти она и не смирилась - даже настоятеля здешнего до себя не допустила - перевязали её кое-как. Лежит и проклинает Ивана, всё грозит: «вот выздоровлю, засеку, сгною». Так о смерти и не подумала.

Приехал становой - ключница спрашивает барыню по заведённой привычке, можно ли ему поесть дать. «Дай ему снятой простокваши, пусть лакает», - кричит Софья Ивановна. Всего с полсуток промучилась, всё стонала, кричала - так с проклятием во рту и Богу душу отдала. - Да только не примет он её, пожалуй. Нераскаянная она грешница. «Отпусти ей, Создатель Благий», - закрестился староста.

Похоронили её. На похороны, почитай, никто и не пришёл. Ну, наследники приехали, думали, мраморный монумент кто поставит покойнице, только думали, думали, да продали Изжарово и сами уехали. Все отвернулись от покойницы - сильно Господа прогневила.

Недавно я опять был на N-ском кладбище. Деревянная церковь года 3 как сгорела. Строили большую каменную. Несмотря на совершенное переполнение кладбища. О новом месте ещё не думали. С постройкой церкви кладбище страшно загадили. Много деревьев понадобилось вырубить, - свежие кусты и жирная трава далеко около будущего храма погибли под кирпичом, известью и песком. Могилы, мешавшие работе, были уничтожены.

Я высказал мое удивление по поводу уничтожения могил отцу настоятелю, маленькому попику.

- «Что же будете делать. Не расширить города, не стеснив посада», - затараторил иерей. - Зато храм-то какой будет, там и за покойничков помолимся».

Сколько не искал я бугорка, где покоилась жестокая помещица - не мог найти, он исчез навсегда под осколками кирпича и песка.

Даже и могила Софьи Ивановны Райской отошла в область предания.

3/VI 95 Извара

Помещица. Послана 11 Июня 95.

(Набросок карандашом: Кладбище)

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/87, л. 23, 24, 17, 18, 25 об., 25.

ИЗБАВЛЕНИЕ

(Этюд)

- Что тебе ещё?

- Да вот, я в рассуждении, что кривел не стоит метать в стаи-то – работа одна, потому он, почитай, весь сгнил – прокиснул-с, значит, - доложил староста Тимофей, или как он подписывался, Етимофей Ильин, своему барину Павлу Степановичу Уральцеву.

- А, чтоб тебе и с клевером прокиснуть!

- Оно конечно, воля ваша, а всячески... - но старосте не пришлось пояснить, в чём воля помещика его патрона, Павел Степанович перебил его.

Не удивляйтесь, что помещик советовал своему старосте прокиснуть – то же самое, в данное время, он пожелал бы и всему своему большому поместью Изжарово. Вот уже 4 месяца, как третьим словом Уральцева стало: «Господи, избавь от имения! И внукам и правнукам закажу эту петлю на шею одевать. Кабы вместо 2000 десятин лежало бы у меня 200.000 рублей! Смилуйся Владыко!».

Со стороны можно подумать, что Павел Степанович гуляка и кутила – потому так стремится обратить землю в наличные деньги, но если бы вы знали этого помещика поближе, то подобное предположение уж никак не могло бы появиться.

Павел Степанович Уральцев, тишайший и серьезнейший из смертных, вечно погружённый в книги и рукописи, нежданно-негаданно был посещён Божьей милостью: не то дядюшка, не то тетушка, толком не знаю, завещали ему поместье, в ту пору отданное в аренду и приносившее 5000 дохода.

Я только что сказал, что Павел Степанович был посещён Божьей милостью, но должен оговориться, вернее, это было бесовское наваждение.

Наряду с его научными фолиантами стали на столе появляться "мукомольные мельницы", "искусственные удобрения", "руководство к разведению свиней" и другие сельскохозяйственные книги. Товарищи сперва подтрунили над ним, наконец, когда на все расспросы он ограничивался молчанием, прибавили к его эпитетам ещё "дикого помещика".

Спустя год появление указанных книг на столе Уральцева вполне объяснилось – в этом году истек срок контракта по аренде Изжарова, и Павел Стапанович, найдя случай избавления от арендатора, покончил свои городские дела, сложил в ящик свою библиотеку и принял схиму – уехал в именье.

На первых же порах ему пришлось убедиться, что без управляющего он не может обойтись. Исходя из положения, что если работники русские, то надо управляющего немца или чухонца, и наоборот, он неукоснительно выписывал остзейских немцев, которых у него в течение 2-х лет и переменилось более 10 человек. Сам он, собственно говоря, мало занимался управлением и ограничивался только высшею властью. С трудом познакомившись с 2-мя, тремя соседями, любил говорить: "мы – помещики" и "труженики земли" и подобное. Но его работа состояла, большею частью только в консервировании краж его управляющих и в приискивании новых.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/53, л. 7. [1890-е гг.]

6 июня 18[95] г.

Письмо Л. Антокольского к Н.К. Рериху

Вильна 6 Июня.

Дорогой друг мой Николай Константин.!

Спасибо тебе, голубчик за письмо, которым ты меня известил о благополучном окончании твоих экзаменов - поздравляю тебя от всей души и желаю теперь исполнения твоего заветного желания - выполнить Ивана Царевича. Советую тебе предварительно хорошенько отдохнуть и погулять, а затем, набравши сил, приступить к работе.

О себе могу только сообщить, что я только вчерашнего дня совершенно покончил с портретом Государя и получил деньги, с чем прошу тебя меня поздравить. Теперь я так отдохнул за эти 12 дней, что я здесь, что могу немедленно приняться за работу. Живу на даче в прелестной гористой местности среди соснового леса. Жду от тебя подробного письма и, во всяком случае, когда выедете в Гапсаль, прошу мне сообщить адрес. Федоровичу я ещё не написал, жду обещанного материала. Нет ли у тебя от него писем и известий о Скалоне?

Я тороплюсь на почту, а потому извини, пожалуйста, за краткость. Прошу тебя передать мои сердечные поклоны твоим родителям, сестре и братьям и принять поздравление и пожелание всего хорошего от моих родителей и Данишевского, котор. теперь в Вильне.

Твой вечно преданный тебе

Леон Антокольский

Жду от тебя писем. Адрес мой тот же.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/573, 1 л.

11 июня 1895 г.

Письмо Н. Рериха к Антокольскому Л.М.

Извара 11/VI 95.

Дорогой друг! Спасибо за письмо. От души и сердца поздравляю Тебя с окончанием такого скучного портрета. Живу я помаленьку в Изваре и чувствую себя ещё немного усталым. Да ведь не шутка – 800 нечитанных, коркуновского трудного слога страниц усвоить в 5 дней.

Когда получил Твоё письмо, со мною был один гостящий у меня приятель – мы были верхом и он, вообрази, упал вместе с лошадыю. Ужасно неприятная картина.

Много слепней и комаров на улице, этюдов нельзя писать, придётся их отложить до половины июля, когда насекомые пропадут.

Мой заветный Иван Царевич в голове совсем уложился, теперь остаётся приступить к делу, что я на днях и устрою.

От Скалона получил письмо, пишет, что живётся ему хорошо.

От Федоровича писем теперь не получал и жду со дня на день ответа на одно своё.

Поклонись, друже, от меня Данишевскому. Кажется, симпатичный он очень человек. За это время написал я 2 этюда, сочинил 1 эскиз и написал рас-

сказ – надо его обработать. В Дневник ничего не внёс, хотя было кое-что интересное. Много интересного я надумал об искусстве за это время, но это все вещи длинные, об них писать нельзя, это всё на словах надо. Вообще я замечаю, что, благодаренье Богу, мои взгляды на искусство прояснились и выработалось совсем нечто оригинальное. Уж не знаю, хорошее или худое, но всё же своё.

Вот я с 1891 года занимаюсь рисованием, а только теперь установилось своё и явилось своё воззрение. А то всё было подражательное. 4 года потребовалось для выработки своего. Впрочем, говорят, что многим не 4 года, а 6 и 10 нужно, чтобы освободиться от влияния, заговорить своими словами; хоть худыми, да своими.

Боюсь начинать Ивана Царевича. А ну, как на деле это выйдет гораздо хуже, чем теперь в моём представлении. Только это почти всегда так бывает. Познакомился я тут с народными представлениями о Иване Царевиче и о сказках. Ведь это не что иное, как весенний луч, проникающий в царство смерти и зимы, чтобы освободить красавицу – лето. Чудная это вещь – эпическая поэзия. Совсем она меня в полон забрала.

Пиши часто, голубчик, пиши. С наслаждением читаю Твои письма.

Твой *Николай*

Мой заочный поклон твоим родителям.

[Июнь 1895 г.]

Письмо А.Скалона к Н.К. Рериху [фрагмент письма]

Много старинных вещей, как русского, так и иноземного производства. Между прочим, старинный кувшин, пожалуй, ещё допетровского времени или времён Петра, не позже. В картине Маковского «Боярин» (прилож. Невы 2-й альбом) есть такой кувшин. Есть один экземпляр в Грановитой Палате в Москве, а другой здесь. Может быть, больше и нет во всей России. Натурально написал, и вышло очень удачно. Какой-то зелёный змий (кувшин для мёда) Изобраз. ручки, какие рожи, диво, очень, очень интересно.

Ну да, словом, увидишь всё; поработал хорошо. Есть что показать профессионалам. Серьёзная же вещь только одна, но она лучше всего, что я когда-либо написал - Дон Кихот. Да я был Дон Кихотом и не бедный помешанный, которого искренне жаль и который служит идее – продукту умственного расстройства; нет, я был Дон Кихот высокомерно презиравший всех и вся, кроме себя, был рыцарем, девизом которого служил: эгоизм и полное незамечание брёвен в собственном глазу. Дон Кихот это благожелательная мысль; хотя я и не писал его, но я его продумал, промучил. Хочу думать, что Ты не пренебрегаешь таким анализом по отношению к себе и уже теперь меньше презираешь и ненавидишь. Побольше любви!

Помни, что как художники, мы должны быть апостолами правды и добра, чтобы наши произведения имели какое-нибудь доброе значение. Пока больше не скажу ничего, но вижу, что предметов для разговоров у нас с Тобой много накопилось. Словом, я простил вполне бедного <Лейба> и вижу, что не имел никакого права ни презирать, ни оскорблять его. Я об этом много думал за всё

это время одиночества. Опять перечитывал Гоголя и опять изумлялся глубине его взгляда на окружающее. -----

День моего совершеннолетия 3-е Июля; Адрес мой: Островки (пристань на Неве) Шлиссельб. уезда. Дача Олекчинова.

Видеть Тебя мне очень хочется. Отсюда я выезжаю 29-го Июня со скорым поездом прямого сообщения в Петербург, а оттуда в Островки. Я больше ничего не прибавлю: Sapient sat! кажется, теперь могу положительно сказать: Твой навсегда друг.

Наш девиз на общем щите

[рисунок с подписью]

Ars!

Прости за этот маленький водевиль.

Отдел рукописей Р ГТГ, ф. 44/1302, 2 л.

Из студенческого дневника Н. Рериха.

13 июня 1895 г.

13. VI. 95. Извара. Гостию Глебушка. Скалон прислал письмо – видимо, раскаивается в поступке со мною. Послал вчера в Наду: рисунок Плач Ярославны и новый рассказ Помещица. Ужасно жалко посылать за границу вещи, не печатанные на родном языке; да ещё оставаться другой раз совсем без хорошего списка – так уж навсегда вещь и гибнет.

Сегодня начинаю Иван-Царевича. Господи благослови. Эх, кабы удался он. Кившенко А.Д. моя мысль об этом эскизе очень понравилась, он даже советовал не выйдет ли и картина. Посмотрим, сказал слепой.

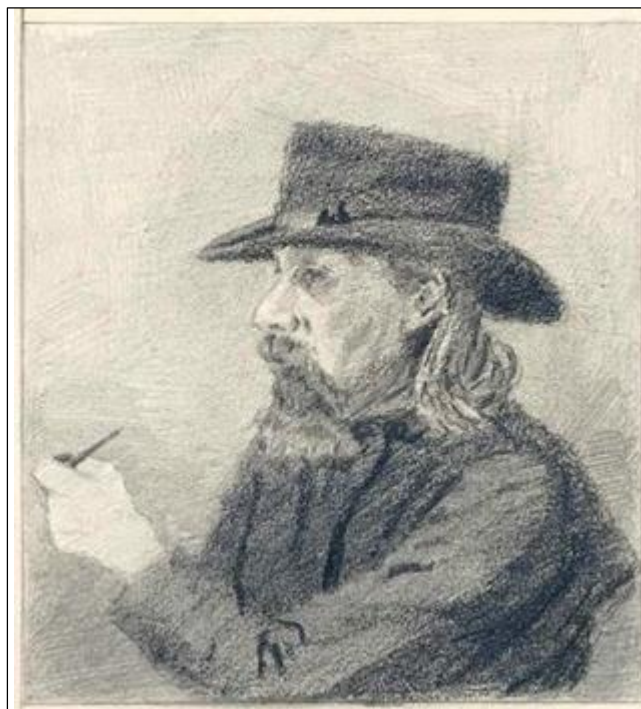

Головы лошадей. 1890-е.

Эскиз к картине «Наезжает Иван-Царевич на избушку убогую».

Н.К. Рерих. Въезд в село Грызово. 7 июня в 3 часа дня.

Н.К. Рерих. Грызовский священник. 11 июня 1895.

ТУЗЕМЕЦ АРХЕОЛОГ

Степи, степи! Да знаете ли вы, что такое степи? Понимаете ли, как эти степи образовались? - продолжал туземец священник. Если вы может быть полагаете, что продолжает рассказ какой-нибудь по крайней мере [кастадальский] или самоедский миссионер, так скоро разочаруетесь - рассказ продолжал обыкновенный сельский священник средней полосы нашей родины.

Вы вот глядите на меня с недоверием и думаете, чёрт его знает для чего это он туземца приплёл. Обыкновенно при слове туземец представляются разные нецивилизованные народы, но в настоящем случае за моим рассказом этого недостатка не усматривалось, а прозвал я его туземцем только за его внешность. Уж недолго оставалась в памяти фигурка отца Петра: маленького роста тщедушная, немного кривоватая, с лицом землистого цвета (и притом не всегда чистым) обрамлённым в слипшиеся в косицы жидкими волосами - эта фигурка вечно торопилась, размахивая руками и окружалась клубами табачного дыма (отец Пётр никогда кроме службы не расставался с трубкой); рясы он тоже точно подбирал к цвету лица, так что весь его портрет можно было рисовать одним изжёлто-сероватым цветом. Глядя на него невольно забываешь, что находишься в центре России, а скорее где-нибудь на дальнем севере. Вот за эту внешность я и прозвал его туземцем.

Вы, может быть, спросите, почему я не привожу начала разговора - по весьма простой причине: потому что в начале разговор вёлся о частных вопросах: отец Пётр жаловался, что мужики дорого с него за подёнщину берут, хвалился удачной ловлей <харгусов>, проектировал постройку какой [то] необычной переносной лодки и т. п. разговоры интересные только в том случае, если бы можно было бы передать его жестикуюляцию: он махал руками, хватался за волосы и особенно был хорош, когда с ужасом вопил: но, увы, <харгус> оборвался! и уже потом с этих частных вопросов неизвестно каким путём перешёл на историю и археологию, каким путём ей Богу не помню, да и разве упомянуть как перескакивает разговор иной раз с Александра Македонского на маринованные грибы и обратно.

"Степи произошли не вследствие географии, а истории", -дохнул мне в лицо дымом отец Пётр. - "Вот, например, возьмите вы метлу и проведите раз, два, три, четыре, да так раз с сотню по густой траве - что останется, пусто? Так и степи: разъезжали по ним наездники скифы, Гуннские народы прошли, а за ними <Анаутцы> Вандалы, <Визиготы>, а потом-то грянули Печенеги, Татары, половцы. Не мудрено, что после всей этой ватаги пусто осталось: а ведь в степях, если покопаться, так наверно на каждом шагу можно редкие находки находить. Я, видите, говорю на том основании, что вот у нас, уже к северу ближе; прежде должно совсем необитаемая страна была, а и то на каждом шагу важнейшие памятники находятся. Вот тут лет 10 тому назад учёный, как это его, Варницкий, не Варницкий, Варковский, не Варковский. Котька, как учёного звали, что курганы копал? - "Лариневский", - и где тут всех запомнить, я и своих-то детей иной раз Володьку Котькой зовёшь, а Котьку Володькой крестишь. Вы не поверите, сколько он мне рассказал, вот Чёрная, Сосницы, Сяглицы, Сосново, Калитино, Заполье, Ямки, даже наше Грызово, все места замечательные. Впрочем, он мне только подтвердил, вот поговорите с любым мужиком, этак со стариком, он вам все местные придания расскажет.

Вот хоть бы взять Сосницы, есть там два места такие - одно Куделевой горой называется, а другое Городищем - просто огораживали место, этак кольями ну и жили, и в этом вот городе княжил князь, тут ведь финское племя жило, языческое, а у князя у этого была дочь 16 лет...

Может быть, у вас является мысль: не может ему священник так долго рассказывать, врёт должно быть. На это я скажу - нет, это, сушая правда, и вот почему. Во-первых, потому, что он поговорить любит, а во-вторых, потому что он должен был сидеть на одном месте, так как я рисовал с него портрет.

Куделева гора Городище. Черная сосны. Озертицы. Грызово (грызулист) Кресты по <...> (Имя, разная форма) Извильник . Церковище (Густав Ваза). Серебряный ключ. Плитная горка. Заполье (повязка предводителя).

3 Июня 95 г. Извара

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/87, л. 19.

Н.К. Рерих. Грызовский священник. 1895.

24 июня 1895 г.

Письмо Н. К. Рериха к Антокольскому Л.М.

Извара 24/VI 95.

Дорогой друже, хороший! Спасибо за письмо. Ты, видно, хорошего мнения обо мне – постараюсь, чтобы никогда это мнение не изменилось. Я начал Ивана Царевича. Грубо подмалевал – причём сбил рисунок. Сегодня всё высохло, и начал писать самую фигуру. Тут работы до самого октября хватит. Этюдов теперь не писал. Я понимаю, или этюды *blank et noir*¹ для рисунка, и красками, тогда нужно особенное освещение и трудные световые эффекты, а писать этюд красками для рисунка или мотива мне не нравится. Вообще этюды мои

¹ В белом и чёрном (франц.)

малы по размерам и интересны лишь для меня самого да для самых близких, знающих меня людей.

Зачем, голубчик, хочешь в Твоём эскизе фигуру христианки заменить епископом? По мне, христианка симпатичнее. Впрочем, всё ясно будет, когда пришлешь общую композицию.

Теперь я нахожусь под впечатлением странной случайности. Дело вот в чём. Один крестьянин начал красть наш лес и вообще пакостить нам. Когда отец говорил ему это – он отпирался и взваливал на других. Тогда отец сказал ему: смотри, брат, коли лжешь – пусть Бог тебя накажет. На другой же день над той деревней была гроза, и молния ударила в дом этого крестьянина, так что он сгорел. Другие дома не пострадали. Такой странный случай!

С удовольствием читал, что Ты не соблазняешься заказами – поставил же себе задачу более высокую, чем выполнение маленьких заказов – на это есть своего рода чернорабочие. Этой судьбы и мы не минем, если, чего Боже упаси, из нас толку не будет. А пока только есть силы, будем вперёд идти, будем стараться сказать своё слово в искусстве. У нас задача не только покорить природу, но стать её вечным властелином. Оживотворить природу – заставить её говорить нашими словами. Творить.

Какая глубина в этой народной старине! Например: Иван-Царевич – ведь это весенний луч, пробивающийся сквозь царство смерти, зимы, чтобы освободить красавицу Лето. Не узкая, а общая, всесветная идея.

Не слишком останавливайся на этюдах – лучше побольше сил положи на эскиз, это глубже. Во всяком случае, человек, поставивший себе большую задачу, хотя бы и не выполнивший её вполне, всё же лучше маленького человека, ограничившегося маленькой задачей, даже и доведённой до конца. Кто не сочиняет, тот протоколист, а не художник истинный.

Вот мой план² Ивана Царевича.

Ничего, брат, не поймёшь тут. Ну, да осенью увидишь.

Если потом будут затяжки в письмах, то не приписывай это нежеланию писать – значит, или на станцию не ездил, или дела много.

Надеюсь, ты отплатишь добром за зло и пришлешь мне Твою композицию в более приятном виде, а мне прости, голубчик, сегодня некогда понятнее изобразить, на станцию тороплюсь.

Чем длиннее и полнее твои письма, тем больше благословений сыплется от меня на Твою голову.

Пиши, много пиши.

Поклонись Твоим родителям, а также Данишевскому и передай ему мои сердечные пожелания всего лучшего.

Жду Твоих писем.

На этой неделе в Петербурге и в Академии видел образа работы Нестерова. Прелесть, хорошо! Стилист какой!

Твой *Николай*

² В письме рисунок зачёркнут.

ИЮЛЬ

7 июля 1895 г. Кишинёв.

Письмо Владимира [Федоровича] к Н.К. Рериху

Получил я твой эскиз в письме и очень благодарен за него, хотя, по правде сказать, мало что-то разобрал в нём, а всё-таки избу приметил. Был у нас в Кишиневе Щусев (архитет.) говорил, что на последн. экзамене изгнали 60 человек, <вот> утешил! Нечего сказать! Пишу я теперь эскизы; думал одно, а вышло другое, так что назовём мы его, ну хоть: «Соловей запел». Вот нужна только натура женск., а её – хоть шаром покати. Авось, без натуры попробуем, а в Питере можно будет подписать малость.

Если тебя разбирает охота писать эскиз, то и пиши, а когда надоест – пиши этюды. Ещё ведь времени много. Успеешь.

Теперь относительно Леона: видишь ли, мне кажется, что трудно будет тебе с ним, у него есть большой недостаток, его крайняя бесхарактерность, вот теперь, положим, он кается и кажется, что на пути к исправл[ению], ан смотришь, какой-ниб. <Ицик> прожуж. ему уши, и Лейба понёс ерунду. Впрочем, попытка - не пытка, а цели, <...> во всяком случае, очень и очень симпатичны. Приеду – попытаем вместе. Теперь я сию в Кишин. и этюдов не пишу. 16-го еду в Одессу и Херсон. Так что значит, с 16-го пиши мне так:

Херсон. Инспектору Народных училищ
Платону Ивановичу Голубеву
для передачи мне.

Пробуду здесь по 1-е Августа. А в конце августа думаю двинуть на север и остановиться по октябрь в Новой Александрии. Места, говорят, роскошные. Два слова об эскизе: с левой стороны, на перв. плане, нечто вроде часовенки <мавзолея>, из которой течёт вода, на перв. пл. пруд, всё при луне, фигуры русалки... ну, да не умею описывать.

Прощай дорогой, целую крепко

Владимир

VII/ 7. 95.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/664, 2 л.

Н.К. Рерих на балконе в имении Извара позирует для своего эскиза: «...Наезжает царевич на избушку убогую». (Надпись на оборотной стороне фото - см. ОР ГТГ, ф. 44/1699, 1 л.)

Н.К. Рерих. «Наезжает Иван-Царевич на избушку убогую...». 1895.
[Однотонное воспроизведение в Литературном сборнике студентов СПб университета. 1896 г.]

Из студенческого дневника Н. Рериха:

8 июля 1895 г.

8.УИ. 95. Странное дело – казалось бы, летом должно было бы быть больше времени, а тут выходит наоборот, как-то всё время разрывается. Хоть бы теперь - то на охоту - то Иван Цар[евича] пишешь, глядь, а день-то неведомо куда и ушёл. Верно, мне всю жизнь торопиться суждено. Найдётся ли время помереть. Думал завтра устроить археологическую экскурсию – но поеду к Фролову.

Мой Иванушко то огорчает меня окончательно, то как будто обнадеживает – что из него выйдет, единому Богу известно. Переписка заедает массу времени. Славный малый Федорович – я с ним ещё много сделаю для нашего направления в живописи.

Из Боснии что-то денег не шлют, просил выслать хоть часть причитающихся мне грошей, а они ни слова. Скалон прислал письмо с такими азбучными истинами, что только удивляться приходится – неужели он только теперь до этого додумался? Этюдов совсем не успеваю писать. Вернусь от Володи, пропишу Иван Цар[евича], надеюсь тогда выяснится, можно ли ожидать от него чего-либо.

Сейчас еду по арендаторам – относительно Июльской аренды. Извар подаёт блестящие надежды, всего 4 месяца, а уже понял стойку и славно ищет.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/10, 4 л.

Н.К. Рерих. Царевич и девушка. Б/д.

Вверху надпись: *«Царевич припал к ней на колени и...*

Уже змей летит, а ... разбудить её не может».

[Конец июля- начало августа 1895 г.]

Письмо Глеба Фёдоровича Воропанова ³ к Рериху Н.К

Дорогой Коля, прости, что так долго не отвечал; твоё письмо несколько дней ждало моего возвращения в Павлово. Дело в том, что кустарная артель в этом году в первый раз выступает на ярмарке, почему она и попросила моего содействия, которое выразилось в украшении лавки. Эта поездка в Нижний и заботы отняла от меня порядочного времени, а счётом дней я заниматься не мог, так как работы было на неопределённое время. Теперь прикончил всё, что от меня зависело, и с облегчением вернулся в Павлово.

Ярмарка Нижегородская на меня произвела крайне удручающее впечатление, какого я совсем не ожидал. Это какой-то ад, где копошатся тысячи алчущих наживы. Греки, армяне, русские пауки, всё это элементы способные нагнать тяжёлую тоску; особенно противны греки с их мошенническими физиономиями, армян ещё несколько искупает их беспредельная глупость, так ярко выступающая на их блинообразных лицах.

Твоя переделка Ивана царевича мне не совсем ясна. Насколько я понял тебя, ты хочешь своей картиной передать аллегория, но я бы этого не делал. Я не говорю, что аллегория в искусстве излишня, но мне кажется, что национальность представляет собой уже и без того нечто такое цельное, что никакие другие элементы не могут украсить её. Мне кажется, что на национальный эпос нужно смотреть так же наивно, как смотрел на него сам народ; он забывал и окончательно потерял даже давно уже, к чему метафорой служит Иван Царевич или конь его, или баба Яга. В его глазах это не было метафорой, а совершенно самостоятельной формой ~~почти неразрывно~~ почти перешедшей в культ, сделавшейся предметом его глубокой веры. Это мы, только стоя на исторической почве и анализируя эти сохранившиеся формы, можем догадываться, что эти все элементы сказки русской есть не более не менее, как метафора тех явлений природы, которые человек когда-то в седой древности непосредственно боготворил, которых он не мог забыть, и которые он, незаметно для себя воплотил в этих формах. Теперь же, освоившись и давно уже ~~примирившись~~ привыкнув к этим формам, он совершенно позабыл, откуда они у него возникли. Мне кажется что, трактуя народный эпос, нужно так же точно позабыть, как и народ всё то, что (весьма давнее) воплотилось в этих формах, и передавать их вполне наивно.

Национальный эпический сюжет непременно, мне кажется, требует духа национальности только, а не изобличения и анализа его. Изображая эти сюжеты, нужно смотреть на них с точки зрения самого народа ~~почти~~. Если ты здесь не гонишься за национальным духом, то аллегория тоже может дать много красивого, но только и форма ведь должна быть лишена какой бы то ни было национальности.

Об этом мы как-нибудь потолкуем лучше при свидании, в письме я совершенно не умею сосредоточиться. Передай моё сердечное приветствие всем твоим милым домашним. Набросал с себя красками голову казака (разбойника) получилась такая зверская физиономия, что все пугаются и даже самому

³ Воропанов Глеб Федорович (р. 1867) — русский художник, учился в Академии Художеств в мастерской А.И. Куинджи вместе с Н. К. Рерихом

неприятно чувствуется под собственным взглядом, и этого зверя я из себя выкроил; хорош!!

Твой Глеб.

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/702, 2л.

31 июля 1895 г.

Письмо Вл. Федоровича к Рериху Н.К.

Дорогой друже!

Большое спасибо за пожелания, дай Боже, чтобы хоть 1/10 часть их сбылась, и тогда бы можно было наломать делов.

Я теперь ничего не делаю приехавши из Одессы, какая-то лень, истома, ну да и жара у нас доходит до 47° град. на солнце и 30° в тени. Благо, что вода есть холодная; почти целый день сижу в ванне, даже с книгой. Авось жара спадёт, и в Августе можно будет опять поработать.

В Питер поеду в начале Октября. Как твой эскиз? Меня он очень интересует. Знаешь что, вот было бы хорошо, если бы у вас во дворе нашлась комната, небольшая, но светлая, мы бы тогда нѐ могли часто видеться. Имею в виду два портрета, один мужск. во весь рост, на фоне библиотеки; другой женский, в бальн. костюме.

А пока все-таки ничего не делаю, сижу в граде Кишинёве и жду от тебя что-ниб. новенького.

Твой Владимир.

Киш. 31 июля 95 г.

Больше не могу писать, прямо нет слов. От Скалона давно уже ничего не получал.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/668, 2 л

ГРАМОТЫ

«Архивные документы выучили и старорусскому письму. Язык летописей тоже скоро запоминается. Иногда письма складывались под стиль грамот. Стасов ими очень забавлялся...»

(«Листы дневника», 1939 г.)

* * *

Июля тридцать первого
Поехал я на станцию
За письмами с сумой.
Я письма добыл счастливо,
В обитель возвращаюся
Помахиваю прутиком,
Лошадка трюх да трюх.
Тут камни подвернулись,
Упал мой конь и я за ним

В растяжку мы лежим.
Ну, встал я, пообчистился,
На лошадь влез, и Господу
Запел скорей хвалу.
Привёз я вашу грамоту
Во двор нашей обители
И старицам отдал.
Собралась живо братия.
Святыя спор натеяли
Кому письмо читать.
Такая брань поднялася
Что шавки все залаяли
Заржали даже лошади
И боже упаси!

(У нас вот так случается
Почти всегда как новое
Увидят что-нибудь)
Мастридия толкается
Керкидия ругается
А Голиндуха матушка
Щипнула Сосинатрию
Самой чтоб ближе стать.
Монахини тягаются,
Все лезут разом к грамотке,
Того гляди порвут.
Благословите, грешному,
Вам грамоту прочесть.
Игуменья схватилася:
Читай, да с расстановкою,
Понять чтоб, да сложить.
А Голиндуха старица
Чтоб слышать даже вынула
И вату из ушей.
Вдруг, стой!...
Мастридия вся вспыхнула, -
Как? Как прочёл ты?
Гнусное? Моё писанье гнусное?
Ах он... Словцо такое молвила
Сказать бы? Не могу...
Конечно и в монашестве
Иной раз попадают
Слова довольно крепкия.
Старушки всполошились,
Одна как будто всхлипнула,
А Петка мать Игуменья
Икнула про себя.
Кой как прочли мы грамоту,
Мастридия мешала все, -

Как ей почтенной старице
И вдруг возницей быть.

Окончив вновь поспорили
Сказали хором старицы
Ну, поезжай Матридия,
Ты написала так.
Да что ж одной,
Пусть едет тоже,
Письмо кто сочинил.
Мать Петка страсть окрысилась,
Ишь, сладкая! Игуменье
На козлах чтоб сидеть?

Я вижу, долог спор у них,
Стоять меж них соскучился,
Всё потихоньку пятился,
Пошёл в избу поесть.
Итак, мы ждём вас, батюшка,
На станцию мы выедем
С Матридией вдвоём.

Останусь со смирением,
К вам полный уважения,
Почтарь Форелькарасинской
Обители святой.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1336, 2 л. [1895 – 1896 г.]

Н.К. Рерих. Закат над монастырём. 1890-е.

АВГУСТ

1 Августа 1895 года. Дудергоф Пет. губ.

Письмо Владимира [Александровича Фролова] к Рериху Н.К.

Дудергоф Пет. губ.⁴

1 Августа 1895 года.

Дорогой товарищ!

Собирался я написать тебе письмо из Москвы, да так и прособирился, и не могу сказать, чтоб не было времени, нет, времени было довольно, что говорить, выехал из Петерб. я 17 Июля, а вернулся в Дудергоф 27, почти три недели, можно было бы написать. Да всё как-то не удавалось.

Из Москвы я сразу поехал в имение гр. Орлова-Давыдова, <...> находящееся от Москвы на 80 в. расстояния. Со станции ехал лошадыми 25 в. по прекрасной дороге. Работа была там пустая, наблюдать за постановкой готовых икон в церковь и размещением в потолке (свод) плафонов, кот. придётся ставить весной. Местность <прелестная>, местами гористая, протекает довольно широкая речка, <... > в твоём распоряжении лодка, лошади, вообще, я провёл очень мило время. Семья графа оказалась очень милыми людьми. Я представлял себе их какими-то важными и чопорными, а между тем, они совершенно простые и любезные, в то же время, до удивления. ~~А между тем~~ это граф, не вроде нашего графа, (ты знаешь какого). Их род происходит от Графа Алексея Орлова-Чесменского, было бы чем кичиться, наш Граф ничем не может похвастаться, ни древностью рода, ни богатством, ни умом в смысле неск... других, а между тем, смотри ведь, нечто вовсе неприступное.

На обратном пути <...жил> 2 дня в Москве, успел только побывать во всех кремлёвских церквях, соборах, Колокольне Ив. Великого, да в Кремлёвском дворце. Надышался стариной и подивился, в каком запущении находятся некоторые наши старинные памятники. К. Ив. Вел. такая грязная внутри и снаружи, такая вонь там, что еле, еле хватает духа добраться до маковки, да и то, не будь впереди широкой картины Замоскворечья и самой Москвы, кот. действительно замечательна, я едва бы решился ½ часа взбираться по отвратительной лестнице, вдобавок ко всему, в ней живёт по углам и при входе какая-то компания оборванцев, пьяниц и проходимцев, обирает с посетителей 10 коп.

2 года тому назад какое-то умное начальство поручило реставрировать живопись внутри храма Василия Блаженного какому-то <М.... Фортосову>, если бы видал какое безобразие развёл он там, просто жалко как смотрят у нас на это дело. В Кр... мы решили не ехать, причин этому было немало, и расскажу при свидании, т. к. собираюсь опять приехать к тебе, может быть с сестрой, приблизительно ..., около 15 Августа. Точнее, сейчас день не могу назначить, но через несколько дней брат уедет за границу, я буду вполне свободен в распределении своего времени. 25 августа мы с сестрой приглашены на ~~жестю~~ маскарадный бал и совсем не знаю, как быть насчёт костюма, какой и где достать получше и подешевле, и к лицу.

⁴ Исторический район Красного Села в Красносельском районе Санкт-Петербурга, расположенный на восточном побережье Дудергофского озера. (ныне Можайский)

Шлю мой низжайший поклон всем твоим привет –
Твой Володя

P.S. Получили ли моё повествование с фотографией, если можно назвать так ... подражательному искусству

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/665, 2 л.

[Начало августа 1895 г.]
Письмо Воропанова Глеба Ф. к Рериху Н.К. (б.д.)

Дорогой Коля,
устранив всякие препятствия, собираюсь к тебе в воскресенье 4-го, если не получу от тебя до того времени никаких указаний. По твоему давнишнему предписанию еду с тем поездом, который отходит в 6 ч. 15 минут от Питера. Грустно будет, если на моё несчастье будет такой же дождь, как вчера, когда я относил прошлое письмо на Балтийский вокзал. По дороге так смок, как будто выкупался где-нибудь. Начал ли ты свою симпатичную картину? Потолкуем, я попозирую, если надо для фигуры, а то так, и для избушки на курьих ножках. Отчего ты пейзажа не пишешь? Ведь это тоже интересная статья. Вообще, я думал, мы на этот счёт пройдемся помалости.

Написал своему приятелю, что 5-го с ним не поеду, и если завтра от него письма не получу, то без церемоний отправлюсь к тебе. Итак, до скорого свидания. Сестра ещё немножечко полёживает, голова у неё помалости побаливает, но это ей нисколько не мешает пожелать тебе от души здоровья покрепче, чем у неё и послать свой поклон с этим письмом.

Искренно любящий тебя

Глеб.

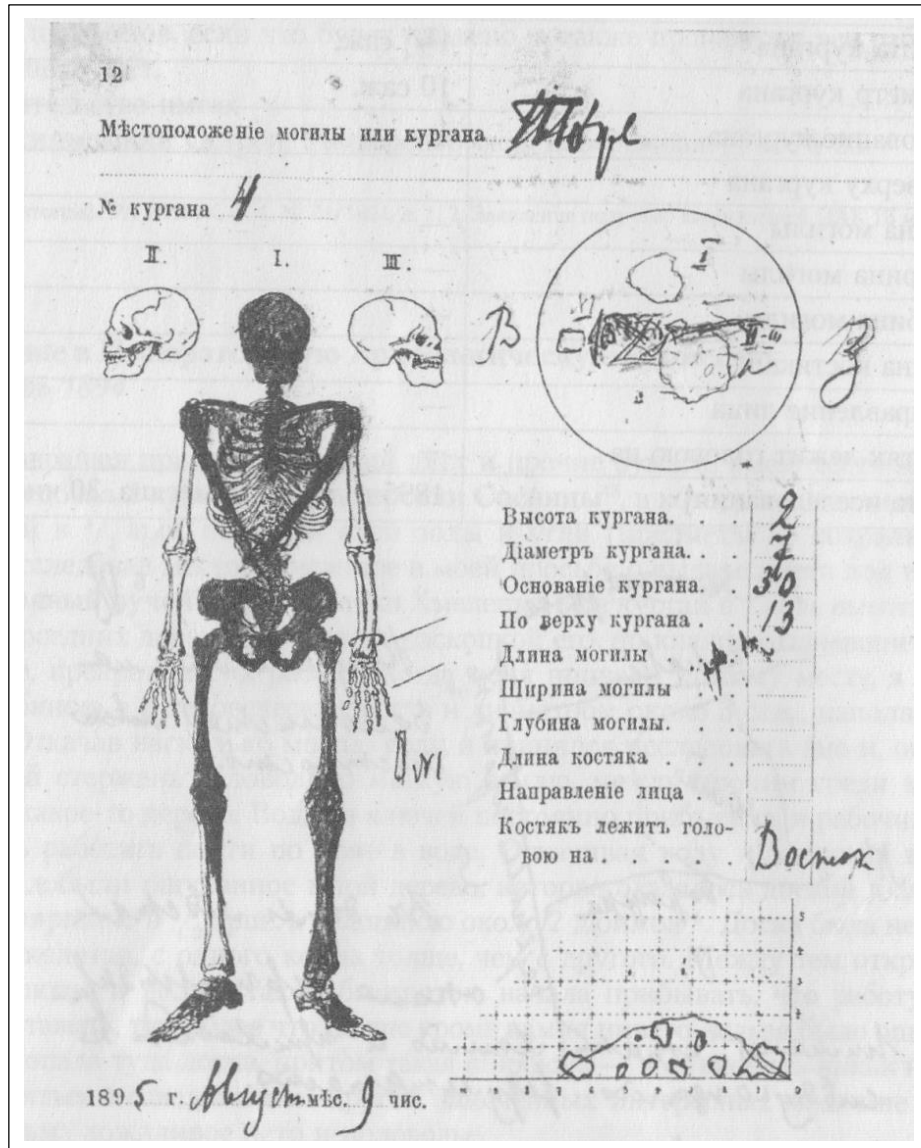
Отдел рукописей ГТГ ф.44/703 2л.

Из «Дневника раскопок...» 9 августа 1895 г.

Кругом холма болотистая местность.

В двух местах около вершины я принимался копать холм и приходил к следующим результатам.

Сперва на глубине 3/4 арш. шла наносная земля, потом на 1 арш. песок с плитой и окаменелостями, а затем начинался уже слой плотной плиты (как во всей нашей местности), прекращавший работу. так как общая высота холма 1 3/4 саж., а на глубине около 2 арш. уже начинается естественный слой плиты, то и приходится признать этот холм природным, несмотря на странное положение среди болотистой местности [...]

Н.К. Рерих. Запись о кургане № 4 из Калитинского могильника.
 Лист из «Дневника раскопок...» 9 августа 1895. Оригинал в РА ИИМК.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. Ч. II – III. Самара. 1999. с. 44.

Из студенческого дневника Н. Рериха:

10 августа 1895 г.

10.УШ. 95. Слово бы скупой сижу и перебираю браслеты, кольца, серьги, ножи, глаза горят, руки дрожат. Вчера, наконец, удалась моя археолог. поездка. Спасибо барону Толю, позволил в его парке сделать раскопку.

Опись предметов, найденных при раскопках (1895)

ИМПЕРАТОР.
АРХЕОЛОГ. КОММ. №
Дело 189 г. №

Перечневая опись предметам древности, доставленным на обозрение в Имп. Археолог. Коммис. из раскопок 1895 г., произведенных в С. Петербургской губернии, Царскоосельском уезде, Сосницкой волости, имени Калитино.

№.....	ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДМЕТОВ	ПРИМЕЧАНИЯ
III, 1.....	Ножны.....	бр.
“, 2.....	Ручка ножа	
IV, 1.....	Нож.	
VII, 1.....	Наконечник копья.....	жел..
“, 2.....	Остаток горшка.	
VI, 1.....	Кольцо	
“, 1.....	Нож.	
VIII, 1.....	Браслет	
2.....	Браслет	
3.....	Пряжка	

Отдел рукописей Р ГТГ, ф.44/1170, 1л.

Из студенческого дневника Н. Рериха от 27 августа 1895 г.:

27. УШ. Послезавтра в город. Давно ли я с ужасом ожидал этого дня – в гимназию идти; а теперь не то, скоро ли? Не дождусь. Иван Царевич совсем плох; и фигура мелка и всё темно и грязно, худо! Этюдов 42 намазал, 10 приличных наберётся. Вчера пару журавлей убил и барсука.

Воздух теперь настоящий осенний – ядрёный.

Ну, с Богом за городскую работу. Думаю, не поспею ли ещё до ноября и служилого варяга написать. Теперь укладываюсь.

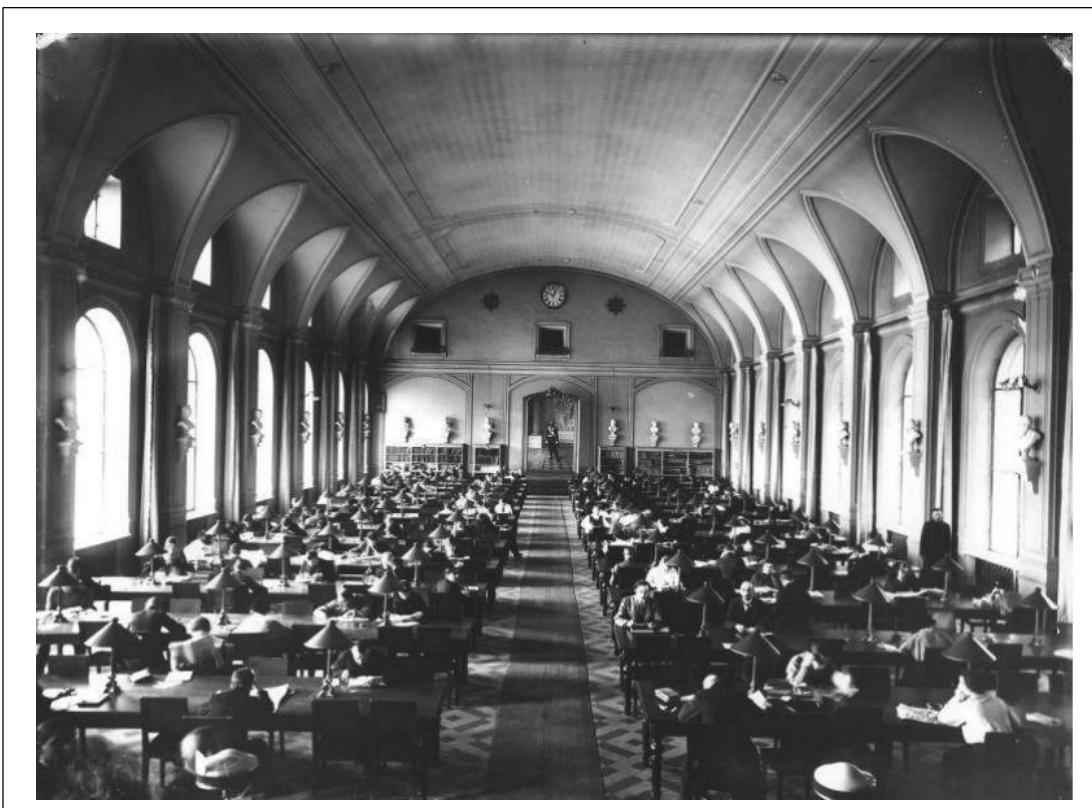
Боюсь, не с моего ли «богатыря» Леон <тащит> свой эскиз. Что-то по письму сдаётся. Увидим.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/10.

СЕНТЯБРЬ

Николай Рерих и В.В. Стасов в Публичной библиотеке. 1895-1896 г.

Большой читальный зал Публичной библиотеки. СПб. Начало XX века.

Из студенческого дневника Н. Рериха:

4 сентября 1895 г.

4. IX. 95. Я был, в сущности, гораздо более худшего мнения о своей работе, нежели все выдавшие её. Говорят Ив[ан] Цар[евич] совсем не плох; только мнения о нём разнятся одни говорят (Шарварок), что видно влияние Микешина, другие (Зреляков, Гейне и др.), что никакого постороннего влияния и духа нет. По-моему тоже не может быть влияния, так как я теперь слишком критически отношусь к Микешину.

Наши профессора всё ссорятся. Кившенко с Куинджи совсем разругался и даже из Академии на частную квартиру переехал.

Любопытный рассказ Л. А. Г. о приёме у Куинджи, когда ходил к нему посоветоваться о том, что ему делать, - из Академии гонят.

Узнаёт его адрес, находит дом и везде получает предостережения, что ему до барина не дойти. Подымается в указанный номер и видит: карточка на двери оторвана, звонок вырван, ключа нет, дверь заперта. Отправляется в дворницкую, там ему какая-то старушонка говорит: "У нас барин чудной! Коли к нему приходят, то сперва через трубку говорят". Трубка оказалась телефоном. Происходит разговор через телефон. Куинджи назначает день, когда придти, этюды показать. Приносит этюды. Дворник ведёт его наверх, вынимает ключ, отпирает дверь. Входят. В комнате: широчайшая кровать с одной подушкой, два, три стула, рояль в чехле, и масса цветов – больше ничего.

Словно сова сидит Архип Иванович. Очень милый разговор; причём Куинджи обещает взять Г. в мастерскую к себе. Между прочим, замечается недовольство Репиным: "Он уж многих погубил! Да, да он всегда этак говорит, со своим искусством для искусства. Ну, зачем я буду копировать данную вещь, всё равно лучше натуры не сделаю. А смысл где же?... и всякое такое".

Выпирают всех известного возраста и подольше в Академии.

Скалон, бедный, болен. Странно, он сам всё толкует, что с ума сходит. Последний раз он благодарил меня за всё для него сделанное. Этюды его носят отпечаток болезненности.

Был у Стасова. Удивительно странный субъект. Сперва уверил меня, что из моего сочинения ничего не выйдет, а потом: потолкуем, непременно приходите.

Гейне едет за границу. Поможет ли ему она?

10 сентября 1895 г.

10.IX.95. Сегодня был Федорович – привёз массу хороших вещей. Перед *этим* его южным солнцем совсем побледнеют мои серые мотивы. Иван Царевич меня совсем разочаровал, даже боюсь его показывать; впрочем, завтра придут Федорович, Гейне, Тепляков и ещё 1 мол[одой] худ[ожник]. Любопытно, что-то скажут.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/11.

ОКТАБРЬ

2 октября 1895 г. Археология. Отчёт Н.К. Рериха.

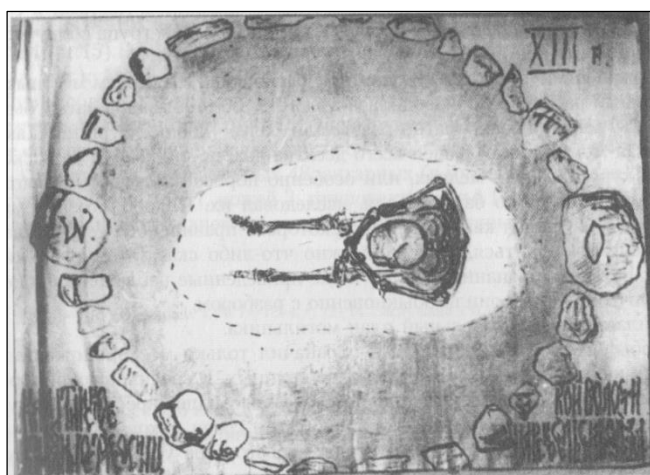
Местоположение могилы или кургана	[В парке имения Калитино]
№ кургана.....	4
Высота кургана.....	2
Диаметр кургана.....	7
Основание кургана.....	30
По верху кургана.....	13
Длина могилы.....	—
Ширина могилы.....	—
Глубина могилы.....	—
Длина костяка.....	—
Направление лица.....	—
Костяк лежит головою на.....	Восток
	1895 года, августа месяца, 9 числа

В этом кургане 3 слоя золы.

I – на 1/2 арш. с поверхности кургана (кучка)

II – 1 1/2 арш. (пластом)

III – у костей на 2 арш. (кучка).

Н.К. Рерих. План кургана с надписью «Калитинское курганное поле Сосницкой волости Царскосельского уезда XIII век».

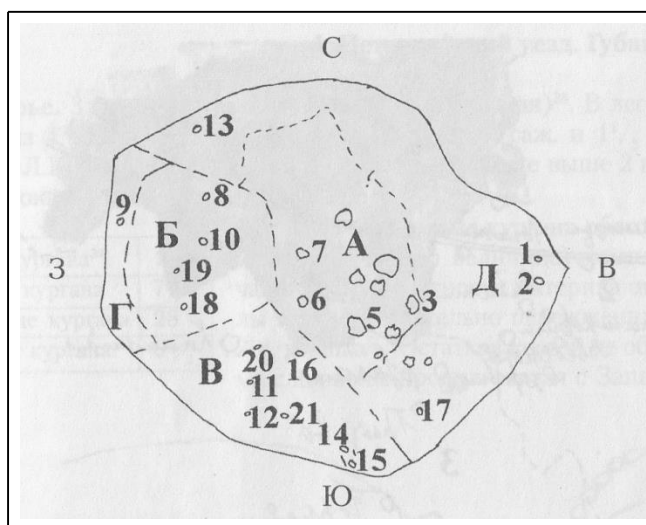
**Калитинский могильник. Санкт-петербургская губерния, Царскосельский уезд,
Сосницкая волость, в парке имения Калитино.**

СПб. 2 октября 1895

Калитинский могильник, без сомнения, самый значительный по числу и размерам курганов из могильников Царскосельского уезда. Он раскинулся (по определению владельца имения барона Толя) на пространстве 20 десятин, высота курганов самая разнообразная, от почти незаметной доходит до 2 саж. Числом курганы более 300. грунт – песок или суглинок. Основание курганов обложено большими валунами, причём иногда замечаются в головах или менее крупным лесом. Кости, в общем, весьма худо сохранились, местами и совсем исчезли. В курганах встречается несколько слоёв золы. (У трупа сбоку и затем на различной глубине).

К сожалению, почти все курганы уже раскопаны. По словам местных крестьян, первая раскопка производилась здесь лет 30-40 назад, а затем бывшие владельцы имения неоднократно разрывали более удобные курганы. Так что, осматривая могильник, я нашёл всего десятка два, по-видимому, не раскопанных ещё курганов (или мелких, или особенно поросших лесом) и, благодаря любезному позволению барона Толя, исследовал их. Подробно ознакомившись с могильником, я нашёл как бы следы некоторого правильного устройства его. Хотя, спешу оговориться, вряд ли можно что-либо сказать о могильнике в 300 курганов по раскопанным 23, но ниже приведённые наблюдения дают повод заключить, что хоронили обыкновенно с разбором.

Прилагаю приблизительный план могильника.

План Калитинского могильника. По чертежу Н.К. Рериха. 1895. Оригинал в РА ИИМК.

Чтобы не пестрить чертежа, я обозначил только местоположение раскопанных курганов и несколько наиболее крупных. В середине сгруппированы наиболее высокие курганы (давшие, по словам очевидцев крестьян, массу разнообразных вещей и особенно оружия*⁵); затем среди боковых курганов, по-видимому, существует два типа, курганы первого типа устроены тщательнее, обложены более высокими камнями, и в них чаще находимы вещи; второй же тип курганов, расположенных в лощине В, менее аккуратно устроен: курганы меньших размеров, и вещей почти совсем не попадает. Пространство Б представляют холм, на котором (может быть случайно) находились женские курганы (№ 8, 10, 18, 19). Местами несколько

*⁵ Топоры каменные и металлические, копья, мечи и монеты. – Примеч. Н.К. Рериха.

курганов сливаются в одно возвышение (№ 14 и 15). Может быть, даже было несколько, так сказать, слоёв курганов, как при кургане № 18.

Таким образом, раскопано мною 23 кургана, из которых 9 заключали остовы мужчин, 4 – женщин, [другие], за разрушением костей и отсутствием вещей, не определены; причём извлечено: бронзовых браслетов - 5, серёг - 4, пряжек - 3, колец - 3, перстень - 1, бус каменных - 48, янтарных (в мужских курганах) - 2, женское грудное украшение - 1, ножей - 3, горшочек - 1, копье - 1.

При сём прилагаю дневник раскопок, опись и открытый лист.

Николай Рерих. СПб. 2/X 1895.

РА ИИМК, ф. 1, № 74/1894, л. 12. Заслушано в ИАК 23 декабря 1895.

Из дневника Н.К. Рериха.

2 октября 1895 г.

2.X.95. Сегодня начало занятий в Академии. Беспокоился меньше прошлогоднего. Места хорошие, начало, по-видимому, недурное. Подходил Савинский и отнёсся весьма серьёзно, как к хорошему рисовальщику. Все относятся ничего себе, не дурно. Скалон сторонится немного. Есть нововведения, в одном натур. классе амфитеатр уничтожен и поставлены столы, но весьма низкие, а скамейки высокие – рисунок в сокращении.

Репин говорит – “принять в мастерскую не могу, а если желаете, запишу кандидатом, а то места нет. Без лести могу вам сказать, что мне весьма лестно принять вас в свою мастерскую”. Вообще очень хвалит.

Заметно он стал серьёзнее за лето, меньше прошлогодней приторности, больше не слышно “и чудесно!; завидую вашей кисти” и т. п.

Кившенко умер – положение его учеников – между 2-х стульев.

Императорская Академия Художеств. Конец XIX – начало XX века.

25 октября 1895 г. С.-Петербург

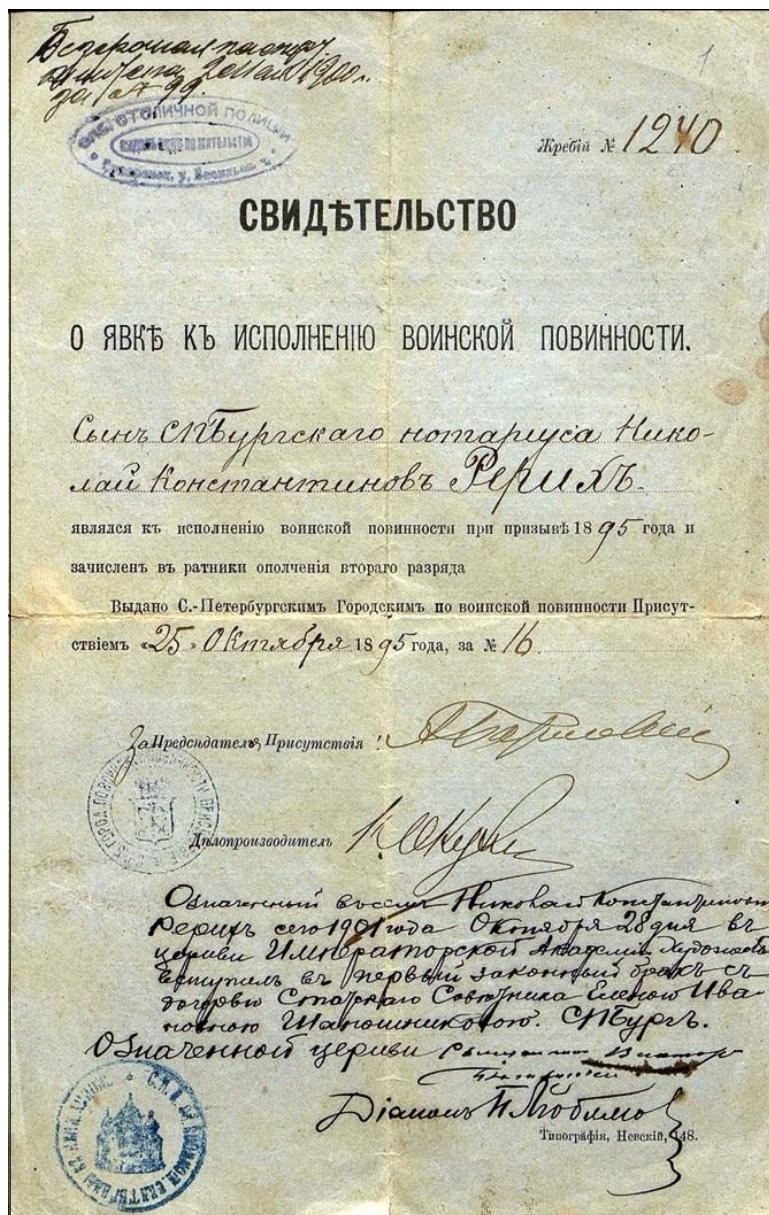
Свидетельство

О явке к исполнению воинской повинности

Сын СПбургского нотариуса Николай Константинов Рерих являлся к исполнению воинской повинности при призыве 1895 года и зачислен в ратники ополчения второго разряда.

Выдано С.-Петербургским городским по воинской повинности Присутствием «25» Октября 1895 года, за № 16.

За Председателя Присутствия (подпись)
Делопроизводитель (подпись)

*Извлечение из Устава о воин. повин. в редакції Высочайше утвержденной
14 июля 1888 года.*

Ст. 154. По окончаніи приѣма людей на службу въ постоянныя войска, уѣздное, окружное или городское присутствіе подвергается освидѣтельствуванію всѣхъ остальныхъ призываемыхъ, въ порядкѣ указанномъ въ ст. 146-й, за исключеніемъ пользующихся льготою перваго разряда по семейному положенію. Признанныхъ по освидѣтельствуванію вполне годными къ военной службѣ присутствіе зачисляетъ въ первый разрядъ ополченія, а лицъ пользующихся льготою перваго разряда и остальныхъ, за исключеніемъ оказавшихся, по наружному виду, совсѣмъ неспособными носить оружіе,—во второй разрядъ ополченія.

Примѣчаніе. Лица, имѣющія по семейному положенію право на льготу перваго разряда, въ случаѣ такого измѣненія въ семейномъ ихъ положеніи, которое лишаетъ ихъ сего права, перечисляются въ надлежащій возрастъ ратниковъ ополченія перваго разряда, если по освидѣтельствуванію окажутся годными къ военной службѣ.

Ст. 303. Составляющія ополченіе лица именуется ратниками и дѣлятся на два разряда. Въ первомъ разрядѣ, который предназначается какъ въ составъ ополченныхъ частей, такъ и для усиленія и пополненія постоянныхъ войскъ, въ случаѣ истощенія или недостатка запаса, числятся до сорока трехъ лѣтняго возраста лица, зачисленные при призывѣ въ этотъ разрядъ ополченія (ст. 154), а равно лица, зачисленные въ ополченіе для увеличенія изъ запаса арміи и флота. Ко второму разряду, назначаемому только въ составъ ополченныхъ частей, принадлежатъ лица, зачисленные въ этотъ разрядъ при призывѣ. Младшіе четыре возраста ополченія перваго разряда, т. е. лица зачисленные въ этотъ разрядъ при послѣднихъ четырехъ призывахъ, подчиняются правиламъ учета, установленнымъ по взаимному соглашенію министровъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ и съ Высочайшаго соизволенія, могутъ быть призываемы въ учебныя сборы, но не болѣе двухъ разъ въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ по зачисленіи въ этотъ разрядъ и каждый разъ не долѣе какъ на шесть недѣль.

Ст. 364. За неявку своевременно въ учебный сборъ, безъ законныхъ на то причинъ, виновные въ томъ нижніе чины запаса и ратники перваго разряда ополченія подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за неявку на службу, въ ст. 150 воинскаго устава о наказаніяхъ (Свод. воен. пост., кн. XXII).

*Извлечение изъ циркуляровъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ
11 Января и 20 Ноября 1884 года, за №№ 2 и 23.*

„Если ратникъ, по призывѣ его на дѣйствительную службу въ постоянныя войска, принесетъ съ собою собственные: полушубокъ, сапоги и бѣлье, годныя къ употребленію, — то по прибытіи его въ войска, вещи эти могутъ быть зачтены въ казну, а ему уплачено будетъ: за полушубокъ 4 руб., за пару сапоговъ съ голенищами не короче 9 вершковъ 5 руб., за рубашку 50 коп., а за исподнія брюки 35 коп. При чемъ, вещей сихъ можетъ быть зачтено не болѣе: одной пары сапоговъ, двухъ рубашекъ и двухъ исподнихъ брюкъ“.

Л. 1 об.

Архив Государственного музея искусства народов Востока. Москва